ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал

2007
XVI

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК

378

EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издаётся с 1992 года

Том XVI

Экспресс-выпуск • Express-issue

2007 № 378

СОДЕРЖАНИЕ

1247-1269 Птицы Пушкинского заповедника. А.С.МАЛЬЧЕВСКИЙ

1270-1271 Малый зуёк *Charadrius dubius* в антропогенных местообитаниях Нижней Оби. С.П.ПАСХАЛЬНЫЙ

1272-1273 Встреча водяного пастушка *Rallus aquaticus* на Изварском озере (Ижорская возвышенность). А.В.БАРДИН

1273-1275 К вопросу о миграции саджи *Syrrhaptes paradoxus* осенью 1922 года. В.А.СЕЛЕВИН

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Санкт-Петербург 199034 Россия

© Русский орнитологический журнал, 2007
Дата опубликования: 22 октября 2007

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XVI
Express-issue

2007 № 378

CONTENTS

1247-1269 Birds of A.S.Pushkin Memorial Reserve. A.S.MALCHEVSKY

1270-1271 The little plover *Charadrius dubius* in technogenous territories of Lower Ob region. S.P.PASKHALNY

1272-1273 Record of the water rail *Rallus aquaticus* on the Izvara Lake, Izhora Upland. A.V.BARDIN

1273-1275 On invasion of the Pallas's sandgrouse *Syrrhaptes paradoxus* in autumn 1922. V.A.SELEVIN

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
S.Petersburg 199034 Russia

© The Russian Journal of Ornithology, 2007

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2007, Том 16, Экспресс-выпуск **378**: 1247-1269*

Птицы Пушкинского заповедника

А.С.Мальчевский

*Второе издание. Первая публикация в 1981**

Район Пушкинских гор – одно из лучших мест Псковской области. Природа здесь несёт отпечаток особого очарования. Широкие речные долины, изгибы Сороти, текущей среди заливных лугов и полей, плёсы озёр, мягкие очертания зелёных холмов, далёкие лесные горизонты, смешанные и хвойные леса, старинные парки – всё невольно настраивает на поэтический лад, и орнитологическая экскурсия приобретает дополнительный смысл.

Пушкинский заповедник ежегодно посещают сотни тысяч людей. С целью воссоздания обстановки, окружавшей Пушкина в Михайловском, специалистами описано всё вплоть до мельчайших подробностей. В 1979 году издательство «Планета» выпустило роскошную книгу-альбом «В краю великих вдохновений» со вступительной статьёй И.Андроникова и М.Дудина. Автор текста С.С.Гейченко. В этой фотолитературной композиции средствами художественной фотографии сделана попытка воссоздать красоту и неповторимость пушкинских мест. Однако животный мир и звуковая среда окрестностей Михайловского, несомненно также вдохновлявшие поэта, остаются пока не освещёнными в литературе. Нет ещё обстоятельного описания местной фауны, в частности птиц Пушкинского заповедника.

Мы вправе полагать, что в понятие «шум лесов», которое неоднократно встречается в пушкинских стихах, входило также и пение птиц. Подтверждением этого могут отчасти служить строки из стихотворения Михайловского периода «Разговор книгопродавца с поэтом»: «В гармонии соперник мой был шум лесов, иль вихорь буйный, иль иволги напев живой…»

Хочется согласиться с мнением С.С.Гейченко, писавшего в одной из своих статей о том, что хотя птицы в стихах Пушкина упоминаются, в общем, редко, тем не менее по характеру своей натуры он не мог не обращать на них внимание. Надо полагать, что описание птиц заповедника в сочетании с записью их голосов на магнитную ленту могло бы обогатить наши представления о природе, вдохновлявшей поэта в Михайловском.

Но имеем ли мы право по составу современной орнитофауны судить о том, каких птиц мог слушать Пушкин? Безусловно, имеем.

---

* Из: Мальчевский А.С. 1981. *Орнитологические экскурсии*. Л.: 1-296.

Можно почти наверняка сказать, что основной состав птиц сохранился здесь таким, каким был раньше. Природа в целом весьма консервативна, и если она не испорчена цивилизацией, то обычно сохраняет первоначальные черты и фауна птиц. В пушкинских местах природа заповедана и осталась примерно такой же, какой была. Здесь та же долина Сороти с её лугами и старицами, те же озёра, рощи, парки. К птицам в заповеднике относятся бережно, их охраняют и даже привлекают, и это благотворно сказывается на их численности. За истекшие полтора столетия лишь немногие виды могли исчезнуть или проникнуть сюда по причине естественного сокращения или расширения ареала.

Можно, например, определённо сказать, что раньше не было в Пушкинских горах кольчатой горлицы *Streptopelia decaocto*, во всяком случае до 1975 года её тут никто не наблюдал. Этот вид за последние десятилетия стремительно расширил свой ареал. Он недавно заселил всю Прибалтику и отсюда проник на территорию Псковской и Ленинградской областей. Кольчатая горлица – обитатель населённых пунктов. В Пушкинских горах её отмечали на территории районного центра. Эта птица очень заметная и обращает на себя внимание прежде всего голосом и токовыми полётами самцов. Горлица часто сидит на телеграфном столбе или телевизионной мачте и поёт, издавая громкие укающие звуки в определённом темпе и ритме: *«у-у-уў- у-у-уў- у-у-уў»*. Временами она взлетает свечкой кверху, хлопая крыльями, и затем, расправив их горизонтально, планирует вниз. По размерам она меньше сизого голубя *Columba livia*, но крупнее обыкновенной горлицы *Streptopelia turtur*. Шею сзади охватывает чёрный полуошейник. По этому признаку она и получила своё видовое название «кольчатая». Несколько слов о другом виде – об озёрной чайке *Larus ridibundus*. Вероятно, она была здесь и в прежние времена. Однако наверняка чайки вели себя несколько иначе: вряд ли тогда они кормились на помойках вместе с грачами *Corvus frugilegus*, воронами *C. cornix* и галками *C. monedula*, как это можно наблюдать сейчас. Привыкание к человеку и изменение повадок – черта, характерная для целого ряда видов, но у чаек она проявилась сравнительно недавно.

По всей видимости, больше стало в Пушкинских горах скворцов *Sturnus vulgaris*, дроздов-рябинников *Turdus pilaris*, белобровиков *T. iliacus* и чёрных дроздов *T. merula*, коноплянок *Acanthis cannabina*, зеленушек *Chloris chloris* и других птиц культурного ландшафта. В то же время несомненно сократилось количество тетеревиных птиц, различных уток, сов и дневных хищников, численность которых в последние десятилетия упала в Европе почти повсеместно. Однако подобных примеров можно привести, в общем, немного. Основной состав певчих птиц, о которых прежде всего должна идти речь, сохранился. Во вся-

ком случае, «иволги напев живой» в Михайловском и Тригорском можно услышать и сейчас. Наверняка в окрестных лесах, как и в настоящее время, тянули вальдшнепы *Scolopax rusticola*. Их тягу можно наблюдать, в частности, недалеко от райцентра по дороге в Михайловское

По дороге в Михайловское

Эта красивая дорога идёт сначала через смешанный лес. Затем она вьётся вдоль полей и перелесков, а после деревни Бугрово снова входит в старый лес, очень разнообразный по составу древостоя. Если по временам оставлять дорогу в стороне и идти по тропинкам, которых здесь много, то на пути от Пушкинских гор до Михайловского можно познакомиться по крайней мере с несколькими десятками видов птиц. Если экскурсия проходит рано утром или под вечер, в первую очередь будут слышны громкие голоса дроздов – певчих и чёрных. Певчие дрозды *Turdus philomelos* бывают заметны уже в самом начале пути, совсем недалеко от гостиницы «Дружба». Они держатся в хвойном лесу, где преобладают крупные ели, на вершинах которых они поют. Их сильные высвисты раздаются справа и слева от дороги. Поют они с расстановкой, всегда делая перерывы между несколько раз повторяющимися коленами. С наступлением сумерек количество певцов удваивается, и их голоса доносятся тогда со всех сторон. С одного места иногда удаётся услышать 4-5 птиц. Наибольшая активность пения в июне в 9-10 часов вечера и по утрам.

Среди певчих дроздов есть отличные певцы, которые по красоте напева могут поспорить с соловьём. Для них характерны сочные низкие тона и неторопливое пение. Попадаются, однако, и неважные исполнители. Они поют поспешно и часто попискивают и поскрипывают на очень высоких регистрах. По-видимому, это молодые птицы, размножающиеся впервые. Найти гнездо певчего дрозда нетрудно. В Пушкинских горах их много. Они располагаются невысоко в маленьких ёлочках или на нижних ветвях сосен. Если удастся обнаружить гнездо и заглянуть в него – запомнишь навсегда: довольно крупные ярко-голубые яйца лежат в гладком и глубоком, цвета опилок лотке. Гнездо певчего дрозда с кладкой всегда поражает своей необычностью. Оно совершенно не похоже на гнёзда других птиц, выстланные изнутри мягким материалом.

Голос чёрного дрозда можно услышать прямо с площади, в роще напротив здания райсовета. Не обратить внимания на его песню нельзя, настолько она громкая и заметная. Слышатся неторопливые сочные переливы, повторяющиеся через короткие промежутки времени. Увидеть певца удаётся редко. Он обычно скрывается в густой листве.

На лесном участке дороги многочисленна зарянка *Erithacus rubecula*. Как и в других местностях, здесь она также придерживается ельников, выбирая наиболее захламлённые места с богатым подлеском и подростом. В дневные часы зарянки поют мало. В это время они выдают своё присутствие звонким потрескиванием – сигнал беспокойства у гнезда. Иногда удаётся увидеть и саму птицу. Она может подпустить к себе довольно близко. Быстро шныряя среди кустов, зарянка порою как бы застывает на месте и трогательно смотрит большими тёмными глазами. Позой и повадками она походит на соловья или дрозда, с которыми состоит в родстве. Она высока на ногах, по земле передвигается прыжками, при этом часто приседает, поводя кверху хвостом. Большое оранжевое пятно на груди и шее сразу выдаёт её. В период постройки гнезда можно увидеть иногда, как зарянки таскают в клюве мох, который они используют в качестве строительного материала. В связи с этой повадкой, очевидно, и возникла в средневековой Англии красивая легенда, будто зарянки (по-английски robin) находят в лесу неизвестных воинов, погибших в бою, и, проявляя о них заботу, прикрывают им глаза мхом.

Здесь же, в смешанном лесу с преобладанием ели, гнездятся дикие лесные голуби – вяхири *Columba palumbus*. Их низкое, несколько истошное воркование бывает слышно прямо с дороги. Подойти к токующему вяхирю трудно. Это птица осторожная и первая замечает человека. Разглядеть её обычно удаётся лишь во время полёта. Важно только быстро поймать птицу в поле зрения бинокля. Если на крыльях и боках шеи есть крупные белые пятна, значит, ошибки в определении нет.

На лесной части дороги повсюду видны зяблики *Fringilla coelebs*, поют белобровики, пеночки – веснички *Phylloscopus trochilus* и теньковки *Ph. collybita*, а также садовые славки *Sylvia borin*. По выходе дороги из леса начинают попадаться жители полей, лугов и кустарниковых зарослей – полевые жаворонки *Alauda arvensis*, жёлтые трясогузки *Motacilla flava*, луговые чеканы *Saxicola rubetra*, обыкновенные овсянки *Emberiza citrinella*, серые славки *Sylvia communis*, коноплянки. Там, где встречаются заболоченные участки в кустарниках, поёт болотная камышевка *Acrocephalus palustris*. Местами бегают по траве и летают чибисы *Vanellus vanellus*, издали доносится кукование кукушки *Cuculus canorus*. На придорожных камнях можно увидеть каменок *Oenanthe oenanthe*. Поведение их очень характерное. Будучи вспугнутыми, они всегда летят над самой землёй, мелькая ярко-белым надхвостьем. Долетев до следующего камня или бревна, лежащего около дороги, каменка начинает забавно приседать. Затем, подпустив к себе на 10-15 метров, снова летит до очередного камня, причём всегда по пути движения человека. Такое поведение характерно для целой

группы видов каменок нашей фауны, и один из них –*Oenanthe isabellina*,– живущий в южных районах, даже получил название «каменка-плясунья», или «чекан-попутчик». Чекан – это старое название каменок. Теперь в группу чеканов выделены луговые формы, родственные каменкам. Название «чекан» – звукоподражательное. У всех видов чеканов и каменок сигнал тревоги состоит из довольно громких чекающих звуков.

Луговых чеканов больше всего в долине Сороти, хотя и по дороге в Михайловское на лугах они нередко попадаются на глаза. Вся жизнь этой птицы связана с травами, среди которых она поёт, гнездится и водит выводок. Когда птенцы оставляют гнездо, они летают ещё очень плохо, едва-едва перепархивают. Они сидят в траве в разных местах и поскрипывают. Это их птенцовый призывный крик, позволяющий родителям быстро найти их и покормить. При виде человека луговые чеканы начинают выражать сильное беспокойство. Они постоянно издают свой тревожный крик *«и-чекчек»*, перелетают с места на место, присаживаются на высокие травины, которые используют как наблюдательные пункты.

Особенно много здесь жёлтых трясогузок *Motacilla flava*. Лимонно-жёлтые самцы этих птиц поражают яркостью оперения.

Недалеко от деревни Бугрово наше внимание начинают привлекать птицы приопушечной полосы. Звонко поют обыкновенные овсянки, совершают токовые полёты лесные коньки *Anthus trivialis*. Они с песней взлетают с вершин деревьев и, сложив крылья, стрелкой опускаются на другое дерево. Поют здесь пеночки-веснички, зяблики, зеленушки. Из глубины леса снова доносится голос певчего дрозда. Можно встретить и сорокопута-жулана *Lanius collurio*. В последние годы он стал редок. Тем интереснее проследить за его действиями во время охоты. Ловит он преимущественно крупных насекомых в воздухе и на земле. Причём ведёт он себя иногда как мухоловка: то висит в воздухе на одном месте, то опускается на землю и, поймав насекомое, снова летит на свой наблюдательный пункт. Особенно эффектен самец. У него серая голова, ярко-рыжая спина, светлый низ и белые основания перьев хвоста, которые хорошо заметны в полёте.

До второй половины июня можно услышать и соловья *Luscinia luscinia*. Он держится в густых зарослях кустов в сырых пониженных местах. С конца июня его присутствие можно определить по сигналу беспокойства, который соловей всегда издаёт, если потревожить его птенцов. Этот сигнал мало кто знает. Соловья обычно узнают по песне. Звуки же беспокойства совсем иные. Они представляют собой сочетание короткого высокого свиста и низкого кряхтения *«и-крр»*. Сигнал беспокойства – верный признак того, что соловей, несмотря на окружающие его опасности, всё-таки вывел птенцов. В Пушкинских горах

соловьи держатся в долинах рек Сороти и Великой, в парках, на кладбище и в других местах, но особенно много их в окрестностях бывшей усадьбы Воскресенское. Здесь можно слушать одновременно до пяти птиц. Гнездятся они вдоль ручьёв, заросших кустарником. Напев у соловьёв здесь особый.

Лес, через который дорога идёт к Михайловскому, населён разнообразной орнитофауной. Здесь мы снова слышим певчих дроздов, зябликов, зарянок, садовую славку. На осветлённых участках встречаются серые мухоловки *Muscicapa striata* и мухоловки-пеструшки *Ficedula hypoleuca*. Последние гнездятся в естественных дуплах деревьев. Одна пара несколько лет подряд выводила птенцов в дупле огромной раздвоенной сосны, растущей у самой дороги. В более глухих местах можно найти крапивника *Troglodytes troglodytes* услышать его звонкую песню. На участках хвойного леса гнездятся пухляк *Parus montanus* и хохлатая синица *Parus cristatus*. Изредка попадается даже рябчик *Tetrastes bonasia*, однако встреча с ним – крайняя редкость. Держится и ястреб-перепелятник *Accipiter nisus*, охотящийся за мелкими воробьиными птицами. С дороги можно услышать песню большой синицы *Parus major*, воркование вяхиря, голоса чижей *Spinus spinus*, кукование кукушки…

Если экскурсия проходит в середине дня, когда голоса птиц обычно смолкают, то особенно отчётливо начинает восприниматься песня пеночки-теньковки. Она очень украшает лес в это время. Сидя на вершине крупного дерева, птица поёт одну песню за другой. Кажется, будто маленьким музыкальным молоточком быстро ударяют по крохотному ксилофону или наковаленке. Отсюда и название птицы «теньковка» или «кузнечик». Песенка теньковки хотя и простая, но удивительно приятная. Если её услышать хоть раз – запоминается навсегда. Среди лесной тишины летнего знойного дня она доносится с далёкого расстояния. Своей звонкой песней теньковка часто встречает посетителей при входе в Михайловское.

В Михайловском

При посещении усадьбы и парка в Михайловском сразу же поражает обилие птиц и разнообразие их голосов. Не считая всем известных и ставших уже экспонатами для местных экскурсоводов серых цапель *Ardea cinerea* и белых аистов *Ciconia ciconia*, здесь живёт и гнездится ещё по крайней мере 40 видов птиц. Представлены почти все местные виды дроздов, славок и пеночек. Из вьюрковых держатся зеленушки, щеглы *Carduelis carduelis*, чечевицы *Carpodacus erythrinus* и зяблики. Последние особенно многочисленны. Повсюду слышны их песни, пиньканье и рюмение. Из синиц обычны большая и лазоревка *Parus caeruleus*. Лазоревка гнездится в дуплах лип, а большая синица

нередко выводит птенцов в скворечниках, вывешенных в центральной части усадьбы буквально на каждом шагу. В них гнездятся также полевые воробьи *Passer montanus*, многочисленные скворцы, мухоловки-пеструшки, иногда вертишейка *Jynx torquilla* и одна из самых декоративных птиц нашей фауны – горихвостка *Phoenicurus phoenicurus*. Все эти птицы поселяются также в естественных дуплах старых деревьев, которых достаточно много на территории парка. Полевые воробьи, воспитывающие по два или даже по три выводка в сезон, занимают скворечники и дупла всё лето. Скворцы же оставляют их довольно скоро. Скворчата вылетают из гнёзд уже в начале июня. Лишь в отдельных скворечниках они задерживаются до конца месяца и затем откочёвывают в пойму Сороти, где сбиваются в стаи и вскоре начинают совершать свои летние странствования по лугам.

Вертишейка в Михайловском редка. Но всегда бывает приятно услышать её весенний сипловатый голос – монотонное *«пяй-пяй-пяй …»* (8-10 раз) – и увидеть саму птицу, освещённую утренним солнцем. В этом случае вертишейку удаётся хорошо разглядеть. Она вся серовато-стального цвета с тёмными продольными пестринами на спине и темени и беловато-охристым низом. Птица сидит неподвижно, вытянувшись почти вертикально, и хотя клюв у вертишейки слабый, тем не менее весь её облик, а также голос указывают на её родство с дятлами, с которыми вертишейку сейчас объединяют в одно семейство.

Большой пёстрый дятел *Dendrocopos major* постоянно посещает усадьбу заповедника. Заметить его легко, так как он всё время летает от дерева к дереву. Его часто видишь на территории фруктового сада, где он собирает корм для своих птенцов.

На дорожках Михайловского парка иногда удаётся находить перья сов – птиц, которые вообще редко попадаются на глаза. Такая находка даёт возможность не только установить присутствие этих птиц в парке, но и определить вид совы. Чаще всего попадаются перья серой неясыти *Strix aluco* – типичного обитателя старых парков. Опахала её перьев удивительно мягкие. Они рассучены на всём протяжении пера и имеют на вершине каплевидное рыжеватое пятно.

В Михайловском парке серая неясыть гнездится в дуплах деревьев. Поселяется она также и в разрушенных каменных постройках. Иногда эту сову можно увидеть и днём. Чаще всего мы определяем её местонахождение по переполоху птиц, обнаруживших сову. При этом каждый вид начинает издавать совершенно определённый, свой видовой сигнал тревоги. Зяблики рюмят и пинькают, большие синицы тарахтят, славки вякают и т.п., и все вертятся у одного места, как бы указывая, где находится их враг. Подойдя ближе, можно, наконец, разглядеть и сову. Она сидит неподвижно в кроне ели. Видны большая голова, огромные круглые и тёмные глаза, смотрящие вперёд, и светлый клюв,

отличающий все виды неясытей от других сов.

Из птиц, местопребывание которых можно определить по находке пера, укажем ещё на рябчика и вяхиря. Перья этих птиц попадаются на земле в соседнем лесу. Перо рябчика имеет длинный пуховидный придаток, стержень которого отходит от основания главного пера. Это дополнительное пуховое перо характерно для всех куриных птиц и заменяет отсутствующий у них пух. Перья вяхиря, как и у других голубей, рассучены в основании больше чем наполовину, так что настоящее опахало занимает лишь вершинную часть пера.

Дрозды-рябинники, пожалуй, самые заметные птицы парков в Михайловском и Тригорском. Правда, их поселения не бывают очень постоянными. Годами они буквально наводняют парки, но несколько лет подряд могут отсутствовать. В Михайловском они первыми обращают на себя внимание постоянным тарахтением около своих гнёзд. То они гоняют ворон *Corvus cornix*, таскающих из их гнёзд птенцов, то накидываются на подлетевшего дятла или трещат при виде людей, близко подошедших к деревьям с их гнёздами. При опасности, угрожающей птенцам, дрозды-рябинники применяют чрезвычайно редкий приём защиты потомства: они пикируют на врага, взмывают над самой головой и обдают его жидкими экскрементами.

Другой обычный здесь дрозд – белобровик попадается на глаза редко. Его легче услышать, чем увидеть. Песня его – обязательный элемент хора птиц в Михайловском. Более того, когда белобровики распоются, их голоса сильнее всего выделяются на фоне общего щебетания. Напев их простенький и монотонный, но он удивительно гармонирует с обстановкой старого тенистого парка, с зеленью прудов, горбатыми мостиками и растущими у воды плакучими ивами. Регулярно, через каждые 5-10 секунд, высвистывает белобровик свою несложную мелодию *«ти-ти-ти-рю»*. Сидит он обычно высоко в кроне дерева. Увидеть этого дрозда легче у гнезда, которое он располагает почти всегда низко. Обнаружив человека у гнезда, белобровики возбуждаются очень сильно. Сначала они, тихонько потрескивая и кокая, перелетают с куста на куст, затем, при приближении человека к гнезду, начинают смело нападать, щёлкая клювом и издавая стрекочущие звуки. Теперь разглядеть их нетрудно. Бросаются в глаза большая белая бровь и каштаново-красные испод крыльев и бока.

Голоса всех четырёх видов славок можно услышать на территории самой усадьбы. Держатся они в густых зарослях кустарников вокруг Домика няни и вдоль заборов. Тут нередко раздаются сухая трелька славки-завирушки *Sylvia curruca*, громкие флейтовые высвисты славки-черноголовки *S. atricapilla*, приятное журчание садовой славки. Два последние вида поют иногда строго по очереди: пропоёт садовая славка, затем ей вторит черноголовка и т.д. Серая славка обычно току-

ет уже за забором, вблизи от старого гнезда аиста, у отдалённо растущих берёзок и кустов. Сидя на вершине куста, она много раз повторяет своё *«вичиречирючи»*, затем взлетает кверху, сопровождая полёт более длинной трелью, и снова опускается на свой участок.

По дорожкам у Дома-музея стремительно бегают, ловя мух, белые трясогузки *Motacilla alba*, которые тут же и гнездятся. Их гнёзда находили на зданиях или прямо на земле под прикрытием густой растительности. В 1977 году парочка этих птиц устроила гнездо на земле у крыльца музея. Самка плотно сидела на гнезде, не боясь сотен людей, ежедневно проходивших мимо.

С постройками на усадьбе помимо деревенских ласточек *Hirundo rustica* связана гнездованием также серая мухоловка. В парке она гнездится в изъянах стволов деревьев. Здесь же она обычно устраивается за наличниками окон. Гнездится на усадьбе в хозяйственных постройках и горихвостка, однако в последние годы она стала совсем редкой.

Бывает на территории усадьбы и поползень *Sitta europaea*. Он держится преимущественно на лиственных деревьях. В парке его чаще всего можно видеть на дубах и липах. Посещает поползень и «аллею Керн». В районе еловой аллеи и Ганнибаловского пруда встречаются птицы, характерные для хвойного леса. Здесь можно услышать песню крапивника, зарянки, певчего дрозда. В верхней части крон огромных елей поёт королёк *Regulus regulus*, имеющий самый высокий голос из всех наших птиц. Там, где стройные редкие сосны сменяются молодой лиственной рощей, раздаётся голос пеночки-трещотки *Phylloscopus sibilatrix*.

Еловая аллея интересна и как место гнездования певчих птиц. Их гнездовые постройки часто находят именно здесь. В верхних ветвях старых елей прячет гнездо королёк. Внизу, под кроной дерева, располагают свои гнёзда крапивник, певчий дрозд, зяблик и белобровик. Тут они скрывают их от глаз ворон, сорок *Pica pica*, соек *Garrulus glandarius* и других крылатых хищников, иногда помещая гнёзда на концах самых нижних лап, на высоте не более полутора метров от земли.

Нередко на территории парка и усадьбы, как и в пушкинские времена, бывает слышна флейтовая песня иволги *Oriolus oriolus*. Когда созреет черешня, в сад прилетают сойки. Поют здесь щеглы и зеленушки. Однако основной орнитологической достопримечательностью Михайловского являются серые цапли и белые аисты.

Колония серых цапель в Михайловском – единственная в ближайшей округе. Это одно из самых северных колониальных поселений вида. По преданию, она существует с незапамятных времён. Судя по растительности и почве, колония действительно древняя. Непроходимые заросли очень высокой бузины, крапивы и других растений, произра-

стающих на почве, богатой азотом,– всё указывает на то, что цапли живут давно. Постоянное поселение цапель объясняется сочетанием благоприятных условий гнездования и мест кормёжки. Гнездятся цапли в кронах крупных сосен, растущих на возвышении, а за кормом летают в долину Сороти, в пойму Великой и на берега озёр Маленец и Петровское. Таким образом, трассы их кормовых перелётов идут в различных направлениях и имеют иногда значительную протяжённость. Характерный силуэт цапли, летящей за кормом на высоте 100 метров, можно, например, часто видеть в районном центре над Святогорским монастырём. Цапля плывёт, как воздушный корабль, равномерно махая крыльями, втянув длинную шею в плечи и вытянув ноги назад.

Количество цапель, гнездящихся в Михайловском, меняется по годам, но в целом колония, конечно, большая для средней полосы. В 1977 году насчитывалось около 80 гнёзд, из них жилых (с птенцами) – 50, то есть всего в этом году здесь жило около 100 взрослых птиц и примерно 300 молодых. Сидящие в гнёздах птенцы в ожидании прилёта родителей всё время переговариваются то тихим, то более громким *«ка-ка-ка-ка-ка…»*. Этот звук разносится далеко, и его постоянно можно слышать из разных концов усадьбы парка. С прилётом родителей в колонии возникает невообразимый шум. Ещё при подлёте к гнезду взрослые птицы издают дикие визгливые выкрики, птенцы поднимают громкий крик, машут крыльями и стараются по очереди выхватить корм прямо из глотки родителя. Иногда они заползают в неё с головой, так что становится страшно за здоровье кормящей птицы. Однако её глотка настолько растяжима, что даже резкие движения головы и клюва птенца не причиняют её никакого вреда. Уже в июне взрослые птицы начинают линять. В их крыльях появляются просветы, а на земле, под гнёздами, попадаются крупные маховые перья.

Единственное в 1977 году гнездо белого аиста располагалось на ели со сломанной вершиной сразу за оградой усадьбы. В прошлом здесь гнездились три пары, затем две, а после 1977 года – ни одной. Сокращение числа аистов именно в Михайловском не совсем понятно. Дело в том, что в последнее время численность этих птиц возросла по всей Псковской области и Прибалтике. В Эстонии, например, аистов стало больше в три раза. Аисты даже проникли на территорию Ленинградской и Новгородской областей, где раньше они не гнездились. Вряд ли в Михайловском аистам не хватает корма. По-видимому, здесь мало мест, где они могли бы располагать свои тяжёлые гнёзда. Даже последнее пристанище аистов – та ель, на которой они гнездились, стала непригодной, так как верхние ветки ели своими лапами обрастали гнездо сверху. Такие ветки нужно время от времени спиливать. Хорошо бы, кроме того, соорудить ещё несколько площадок на вершинах наиболее крупных деревьев, как это делают в других мес-

тах, куда аисты и переселяются. По свидетельству В.С.Бозырева, в Пушкинском заповеднике, в частности, в Тригорском парке и на окраинах самого посёлка Пушкинские горы, где аистов специально привлекали, в последние годы появилось несколько новых семей этих птиц.

Аист – птица декоративная. Вид его всегда вызывает восхищение. И, конечно, семья аистов в Михайловском очень украшала усадьбу. Жила она здесь примерно треть года. Птицы прилетали в конце апреля и улетали в конце августа. Надо надеяться, что вскоре аисты снова появятся в Михайловском.

Наблюдения за аистами интересны во многих отношениях, и у их гнезда стоит задержаться подольше. В брачный период аисты наглядно демонстрируют сразу два явления: способность издавать очень громкие неголосовые звуки и «петь» дуэтом. Стоя на гнезде друг перед другом, самец и самка во время исполнения своей «песни» поочерёдно резким броском закидывают голосу на спину и хлопают клювами. Стучат они не беспорядочно, а в определённом ритме и темпе и строго согласованно. При замедленном воспроизведении такой «песни» на магнитофоне согласованность стучания аистов особенно заметна. Стукотня аистов далеко разносится по всей округе.

Для того чтобы увидеть, как аисты кормят своих птенцов, надо продежурить у гнезда целый час. Если птенцы уже большие, то они шапкой стоят на гнезде. Тренируясь перед полётом, они подолгу машут крыльями и подпрыгивают над гнездом.

В жару птенцы раскрывают клювы и бывает видно, как колеблется их глотка. Физиологи называют такое явление «полипноэ», хотя учащённого дыхания при этом не наблюдается. Охлаждение происходит за счёт обмена воздуха лишь в верхних дыхательных путях, главным образом на поверхности глотки.

Приносит пищу каждый раз одна птица. Вторая часто дежурит у гнезда и всегда приветствует подлетевшую громким трещанием клюва. Иногда можно наблюдать смену партнёров. Птица, сидевшая рядом с гнездом, улетает за кормом, а принёсшая его остаётся с птенцами.

Пища аистов исключительно животная: насекомые, амфибии и рептилии, изредка грызуны. Змей аисты всегда приносят в пучке травы. Это своеобразная упаковка скользкой и подвижной добычи. Гадюку или веретеницу птенцы разрывают на части – каждый тянет в свою сторону. Изредка в жару аисты приносят птенцам воду и поят их по очереди, однако наблюдать эту процедуру доводится очень редко.

В долине Сороти

Широкая долина Сороти с её заливными лугами и старицами даёт возможность познакомиться со многими видами птиц, характерными

для разнотравных заливных лугов и прибрежной тростниково-кустарниковой растительность средней полосы России. Здесь более всего обращают на себя внимание чибисы, полевые жаворонки и жёлтые трясогузки. Этих птиц особенно много. При появлении людей у колонии чибисы заблаговременно взлетают и устремляются навстречу. Затем, кружась в воздухе, они начинают сопровождать пришельцев, издавая заунывные скрипучие крики. Некоторые птицы бегают в стороне, высоко подняв свои хохлы. Если удаётся найти гнездо, то можно заметить, что оно находится на возвышении почвы. Это связано с тем, что поведение насиживающей самки рассчитано не на покровительственную окраску, которой она не обладает, а на то, чтобы вовремя заметить приближающуюся опасность, отбежать в сторону и отвлечь внимание врага голосом и различными демонстрациями. Поэтому найти гнездо довольно трудно, если не знать, как оно устроено. Чаще всего гнездо располагается на кочке, утоптанной сверху. Лоток выстлан небольшим количеством травинок. В кладке почти всегда 4 крупных яйца, испещрённых множеством тёмных пятен. Птенцов найти ещё труднее. Едва обсохнув, они уже покидают гнездо. Их надо высматривать издалека в бинокль на сравнительно открытых местах и замечать, где они затаиваются.

Полевых жаворонков в долине Сороти сохранилось больше, чем в иных местах, и это позволяет познакомиться с их поведением в естественных условиях, когда на поле гнездится не одна, а несколько пар, причём в непосредственной близости одна от другой. Кажется, что песня жаворонка звучит в небе несмолкаемо. Если же проследить за токовыми полётами отдельных птиц, то можно заметить, что в воздух они поднимаются по очереди. При этом каждый жаворонок имеет свой период песни. Он летает высоко широкими кругами, затем начинает медленно спускаться, расправив крылья, замолкает ещё в воздухе и садится на то же место, с которого взлетел. Вскоре с другого места взлетает второй жаворонок, потом третий… Наконец, подходит время снова взлетать первому.

Жёлтые трясогузки держатся поближе к кустам. Они тоже имеют обыкновение сопровождать человека, подходящего к месту их гнездования. По мере продвижения по лугу вас встречает и провожает то одна, то другая пара трясогузок. Птицы как бы передают посетителя своим соседям. Иногда можно заметить, что летающие в воздухе трясогузки несут в клюве корм. Это значит, что в гнёздах у них уже появились птенцы. Поражает способность птиц издавать звуки с закрытым клювом.

Тут же держатся луговые чеканы, попадаются серые славки, слышен крик коростеля *Crex crex*. Встречается и перепел *Coturnix coturnix*, которого легко узнать по его брачному сигналу, издаваемому обычно

вечером, на закате солнца. В средней полосе эта птица стала большой редкостью и услышать её голос можно далеко не каждый год.

Ближе к воде у берегов Сороти, поросших кустарником и тростниками, а также у стариц птицы поют гораздо активнее. Здесь есть и хорошие певцы. Среди них особенно выделяется очень разнообразной песней болотная камышевка. Увидеть её трудно, но её торопливую песню в июне можно услышать в любое время дня и ночи. Столь же активен и другой вид камышевки – барсучок *Acrocephalus schoenobaenus*. В Пушкинских горах это одна из самых обычных птиц прибрежных зарослей. Если где-либо в пойме встречается хотя бы небольшое оконце воды и рядом растут кустарники или тростник, то почти обязательно можно услышать и песню барсучка. Третий вид камышевок, отмеченных в здешних краях,– дроздовидная *Acrocephalus arundinaceus*. В настоящее время в северных частях своего ареала она увеличивается в числе и начинает встречаться во многих местах. Её отмечали в долине Сороти и на озере Петровском. Поёт она у самой воды, там, где тростники уже качает волна. Своё название дроздовидная камышевка получила за крупные размеры и грубый, похожий на дрозда, голос.

Из прибрежных птиц, живущих в кустарниках, укажем ещё на довольно обычную здесь камышовую овсянку *Emberiza schoeniclus*. Свою несложную чирикающую песню она поёт недалеко от гнезда, которое располагается в сыром месте в основании куста или на кочке.

Помимо чибиса из куликов на Сороти и в её пойме гнездится кулик-перевозчик *Actitis hypoleucos*. Его постоянно можно видеть перелетающим с берега на берег над самой рекой. На сырых луговинах держится в пойме Сороти также травник *Tringa totanus*, или, как его ещё называют по цвету ног, кулик-красноножка. Изредка раздаётся и его весенняя песня.

Здесь же иногда можно услышать и мощный посвист большого кроншнепа *Numenius arquata*. Вряд ли он тут гнездится. Ранний сенокос не даёт ему покоя. Встречается он редко и главным образом в период летних миграций. Долина Сороти служит ему пролётной трассой. Задерживаются на Сороти и на озёрах Маленец и Петровское также стайки селезней крякв *Anas platyrhynchos* и чирков-трескунков *Anas querquedula*, совершающих летние миграции на линьку. Есть и выводки этих уток, но они редко выплывают на чистую воду и их трудно увидеть. Над гладью озёр и над рекой в разных направлениях летают речные *Sterna hirundo* и чёрные *Chlidonias nigra* крачки, а также озёрные чайки, которых с годами становится всё больше.

Для сухопутных птиц пойма в летнее время является местом кормёжки. Здесь много насекомых, которые после сенокоса становятся особенно заметными и доступными для птиц. Бесчисленные толпы

скворцов кормятся на лугах. Среди них большинство молодых птиц – буроватой окраски, без блеска в пере. После вылета из гнёзд и оставления своих участков выводки серых ворон *Corvus cornix* тоже слетаются в пойму. Они видны повсюду. Вокруг них вьются беспокоящиеся трясогузки, луговые чеканы, серые славки. Пойма в это время полна тревожными голосами птиц.

Хищники открытых пространств теперь редки, и в пойме Сороти их совсем немного. Чаще всего приходится видеть парящего в небе коршуна *Milvus migrans*. Ловит он грызунов и слётков птиц, иногда выхватывает из реки рыбёшку, сорвавшуюся с крючка рыболова. Когда коршун появляется над колонией чибисов, они взмывают в воздух и поочерёдно начинают стремительно нападать на него. Чибисы смело пикируют на коршуна, чуть ли не ударяя его своим телом. Такая атака сбивает с толку хищника, и он улетает прочь.

Курсирует вдоль Сороти и болотный лунь *Circus aeruginosus*. Высматривая добычу, он летит всегда низко, почти над самой травой, совершая постоянные виражи. Временами он поднимает крылья над спиной, как это делают все виды луней. Болотного луня определяют по крупным размерам и светлому или рыжеватому пятну на голове и зашейке, резко контрастирующему с общей тёмно-коричневой окраской оперения. Возможна также встреча с полевым *C. cyaneus* и луговым *C. pygargus* лунями, самцы которых издали похожи на чаек формой крыльев и светло-сизой окраской оперения. Однако эти виды луней теперь редки, и увидеть их можно далеко не на каждой экскурсии. Малочисленной стала и серая куропатка *Perdix perdix*, хотя вообще в Псковской области она более обычна, чем в других районах Северо-Запада.

В пойму Сороти прилетают за кормом белый аист и серая цапля. Иногда охотится здесь за насекомыми и сизоворонка *Coracias garrulus*, блистающая на солнце рыже-голубой окраской оперения. По наблюдениям поэта М.Дудина, встречается в Пушкинских горах и другой представитель ракшеобразных – голубой зимородок *Alcedo atthis*, окрашенный ещё более ярко. Он охотится за мелкой рыбой на Сороти, пикируя за ней с воздуха. Зимородок гнездится на обрывистых берегах реки в глубоких норах, им же сделанных. В сходных местах можно найти и колонию береговых ласточек *Riparia riparia*.

Из других обитателей поймы укажем на регулярно прилетающих сюда стрижей *Apus apus* и деревенских ласточек. Последние обычно вьются низко над землёй, стрижи же ловят «воздушный планктон» на больших высотах. Нередко можно заметить, что ласточки любят сопровождать человека, идущего по лугу. Они выработали привычку ловить насекомых, относимых по ветру от ног человека. По этой же причине деревенские ласточки охотно сопровождают и сенокосилку. Скворцы

часто вертятся под ногами у коров тоже потому, что им легче заметить и поймать кузнечиков и кобылок, вспугиваемых коровами.

На верхней террасе поймы, поросшей кустарниками, поют чечевицы и коноплянки – красивейшие птицы местной фауны. Тут же в кустах они и гнездятся. Около Старой мельницы можно немножко постоять и прислушаться. Со стороны Сороти доносятся голоса чибисов и чаек. Галдят галки и грачи. Пролетают стайки скворцов. Внутри мельницы стонут, воркуя, голуби. Замечая их, поражаешься, с какой быстротой за последние десятилетия размножился и расселился сизый уличный голубь. Вряд ли он гнездился здесь когда-либо раньше. В белую ночь у мельницы, помимо клыканья соловья, щебетания болотных камышевок и пения многочисленных барсучков, можно услышать продолжительные звенящие трели речных сверчков *Locustella fluviatilis*, поёт и обыкновенный сверчок *L. naevia*. На озере Маленец всю ночь напролёт свистит погоныш *Porzana porzana*. Издали доносится регулярное поскрипывание коростеля. Вскрикивают пролетающие в полутьме цапли. В эту пору пойма Сороти «говорит» десятками голосов.

В Тригорском

Старинный парк в Тригорском – лучший из всех парков Пушкинского заповедника. Он лучший не только потому, что самый большой (площадь его 20 гектаров) и наиболее разнообразный по природным условиям. Его прелесть заключается ещё и в том, что, пожалуй, именно здесь, в Тригорском, сильнее, чем в каком-либо другом месте, ощущается обстановка прошлого.

Парк в Тригорском считается типичным образцом садово-паркового искусства второй половины XVIII века. Нигде в округе нет такого количества вековых лип с многочисленными дуплами, огромных дубов, могучих елей и крупных сосен. Есть здесь старый, заросший пруд и светлые травянистые поляны, густые заросли кустарников, широкие аллеи, овраги и почти естественный лес с богатым подростом. Всё это создаёт мозаику условий и привлекает сюда птиц. Здесь мы встречаем все виды певчих птиц, свойственные паркам Пушкинских гор, и целый ряд других. Общая численность их тоже наиболее высокая. В Тригорском парке в дуплах гнездится множество галок, скворцов и поползней. Больше, чем в других парках, тут зябликов, дроздов-белобровиков, садовых славок, крапивников и пеночек-трещоток. Особое оживление царит в июне, когда птенцы начинают покидать гнёзда. Повсюду раздаются их призывные крики, звучат тревожные сигналы родителей. В то же время пение большинства птиц ещё не смолкло, а у некоторых видов оно достигает максимума активности. Пение птиц, сигналы беспокойства и призывные возгласы – всё сливается

вместе. Возникает характерное для июня, летнее звучание общего хора птиц.

Высоко в кроне дерева мы слышим громкое *«ки-ки»*. Это птенец иволги. Он хотя и не умеет ещё летать, но ловко перепархивает с ветки на ветку. Птенцы иволги никогда на землю не спускаются, как, например, слётки дроздов. Они живут среди ветвей и листвы крупных деревьев до тех пор, пока не научатся летать. Тогда выводок покидает свой участок и начинает кочевать. Но до этого родители должны быстро находить каждого из своих птенцов и постоянно кормить. Призывный крик птенца облегчает поиск. Процедуру кормления птенцов наблюдать трудно. Иволга – осторожная и непоседливая птица. При виде человека она сразу настораживается и предупреждающе громко и неприятно кричит *«нрря»*. Если же опасность непосредственно угрожает птенцу, самец и самка начинают поочерёдно налетать на врага, издавая особого рода боевой клич, ещё более неприятный и продолжительный. В этом случае птиц легко разглядеть. Самец поражает яркостью золотисто-жёлтой окраски. Самка зеленоватая. Иволги в Тригорском живут в районе пруда, недалеко от Дома-музея. Здесь на одной из ив можно обнаружить гнездо, подвешенное высоко к развилку ветки. В бинокль удаётся рассмотреть самку и сидящих в гнезде, имеющем вид гамака, уже крупных птенцов. Иволга в Тригорском поёт всё лето, и первое, что обычно слышишь, подходя к парку, это её голос – сочный переливчатый свист.

В районе пруда и Дома-музея вообще можно встретить довольно много птиц. У воды в зарослях кустарников поёт болотная камышевка, держатся жёлтые трясогузки, слышатся журчащие трели садовой славки и нисходящие высвисты дрозда-белобровика. Поют щеглы и зеленушки. На окраине усадьбы токует лесной конёк, с песней взлетает в воздух серая славка, звенит обыкновенная овсянка. В самом доме гнездятся деревенские ласточки. В июне они докармливают птенцов первого выводка, которые обычно сидят на ветке соседнего дерева. Самец поёт, как бы обучая птенцов видовой песне. Она состоит из продолжительного щебетания. На первый взгляд песня ласточки кажется беспорядочной. На самом же деле она имеет чёткие периоды. Каждый период заканчивается трещанием, при котором ласточка широко раскрывает клюв, и коротким высвистом. На этом птица или вообще замолкает, или сразу же начинает щебетать вновь.

В середине июня в парке очень заметны галки. Их здесь множество, особенно в местах, где растут старые дуплистые липы и дубы. В дуплах галки и выводят птенцов. Около «скамьи Онегина» некоторые гнёзда располагаются совсем низко, на высоте 2.5-3 метра. Однако птенцы в дупле сидят глубоко – на 1.5-2 метра ниже летка, так что рукой до них не дотянуться. Кругом видны голубоглазые молодые галча-

та, недавно покинувшие гнёзда, и старые птицы, подлетающие их кормить. Часть птенцов ещё находится в дупле. Некоторые, выскочившие преждевременно, попадают на землю. В этом случае галки поднимают невероятный переполох. На тревожный сигнал одной птицы слетается целая группа. Общественная защита птенцов характерна для многих врановых. Беспокойный крик галки *«крр»*, пожалуй, единственный её сигнал, который по звучанию сходен с голосовыми реакциями родственных галке вороны и грача. Обычный и наиболее часто повторяемый звонкий призывный крик *«гьяк»* по своей структуре ближе к голосу гнездящихся в скалах альпийской галке *Pyrrhocorax graculus* и клушицы *P. pyrrhocorax*.

Трудно сказать, являются ли дупла деревьев исходным местом гнездования галок. Как известно, галка обычно располагает свои гнёзда в трубах домов, под крышами зданий, в щелях разрушенных каменных построек. И даже тут, в Тригорском, можно наблюдать галок, залетающих кормить своих птенцов в трубы Дома-музея. Очень возможно, что первичным местом гнездования галок были расщелины скал. Позднее они, как и чёрные стрижи и сизые голуби, освоили постройки человека и затем уже дупла.

Как только птенцы покинут гнёзда и научатся летать, галки из парков переселяются в пойму, на луга и поля, где кормятся насекомыми, выдёргивают всходы ячменя или собирают семена других сельскохозяйственных растений. На ночь они летят в населённые пункты. В Пушкинских горах основным местом сборища галок является Святогорский монастырь, где особенно под вечер их становится очень много.

В конкурентных отношениях с галками находятся в Тригорском скворцы. У этих птиц примерно одинаковые требования к местам гнездования. Галки занимают дупла раньше, чем прилетают скворцы. Последним их всегда не хватает. Они вынуждены бывают искать другие убежища, где можно построить гнездо,– щели в различных зданиях и тому подобные места. На это уходит время, и сроки гнездования в таких случаях запаздывают иногда почти на три недели. В 1977 году одна пара скворцов, поселившаяся в изъяне стрелы «солнечных часов», вывела птенцов лишь к 21 июня.

Из птиц, гнездящихся в узких дуплах, укажем на большую синицу, лазоревку, болотную гаичку *Parus palustris*, мухоловку-пеструшку и поползня. Последний, как известно, чрезвычайно требователен к размеру летка, и если отверстие дупла слишком широкое, он обмазывает края летка глиной и цементирует потолок изнутри. Такие дупла можно найти в Тригорском парке в разных местах. Птенцы поползня рано оставляют гнёзда и в июне обычно кочуют по парку и прилегающим рощам. В это время поползни очень заметны. Повсюду слышны их го-

лоса и видны сами птицы, прыгающие по стволам деревьев в самых различных направлениях.

Пищуха *Certhia familiaris*, тоже гнездящаяся в Тригорском парке, по поведению прямая противоположность поползня. Она держится тихо, как мышь. Передвигается она прыжками по стволам деревьев, причём всегда снизу вверх. Её заметишь не сразу, так как окрашена она покровительственно, под цвет коры дерева. Пищуху часто можно видеть на липах, окружающих «танцевальный зал». Она обыскивает дерево за деревом, собирая корм для птенцов, и набрав в клюв целый пучок насекомых, стремительно улетает к гнезду.

У синиц в июне уже выводки. У большой синицы птенцы кочуют, перелетая с дерева на дерево. Они всё время перекликаются хрипловатыми голосами *«зизи-зизизи»*. Выводок гаичек тоже только что оставил дупло. Птенцы ещё сидят вместе. Они забавно и очень быстро трепещут крылышками, подзывая к себе родителей. Взрослые птицы торопливо рыщут по соседним деревьям, склёвывают насекомых и кормят то одного, то другого птенца. Болотные гаички чрезвычайно похожи по внешнему облику на пухляка. Если бы не характерный, напоминающий лазоревочий, призывный крик *«тре-ре-ре-ре…»* и не особая повадка часто подвешиваться к ветвям спиной вниз, гаичку в природе было бы трудно отличить от пухляка. Кроме того, в противоположность пухляку, живущему на таёжных участках леса, гаичка любит лиственные рощи и часто посещает приусадебные фруктовые сады и парки.

Хотя зяблик и встречался нам почти во всех местах, где мы побывали, тем не менее в Тригорском парке на него стоит ещё раз обратить внимание. Если прислушаться к песне местных зябликов, то можно заметить, что она отличается одной особенностью. Она начинается рюмящим позывом, который сразу переходит в обычную трель. Почти все зяблики поют здесь так, обучаясь, видимо, друг от друга. Характер и причины локальной изменчивости песни зябликов те же, что и у белобровиков, хотя у зябликов песня варьирует не так сильно.

В июне столь же часто, как и песня, в парке звучит тревожный сигнал зяблика. Он имеет различное выражение у самцов и самок. Самки, волнуясь у гнезда, отрывисто пинькают, а самцы – пинькают и рюмят. Последний сигнал нередко называют «дождевым», полагая, что он предвещает дождь. Однако в засушливых районах, например в Воронежской области, зяблики рюмят так же часто, как и в условиях влажного лета Псковской или Ленинградской областей. Если подойти осторожно к рюмящему самцу, что обязательно надо сделать даже на групповой экскурсии, то почти наверняка можно увидеть кошку, ворону, сойку или другого хищника, беспокоящего птицу. Ошибочное представление о смысле рюмящего сигнала зяблика возникло из-за непра-

вильного перевода корня немецкого глагола regen, который в одинаковой степени модно связывать как со словом «дождь», так и со словом «волнение».

В дальней части парка, там, где склон, заросший тёмным смешанным лесом, уходит к пойме Сороти, где растут высокие сосны и в глубоких норах живут барсуки, появляются новые птицы, которых мы в Пушкинском заповеднике ещё не встречали. Это прежде всего сокол-чеглок *Falco subbuteo*, гнездящийся на вершине одной из сосен. Увидеть само гнездо почти невозможно, настолько кроны сосен закрыты листвой подрастающих лип. Присутствие соколов выдаёт их поведение: с громким криком *«ки-ки-ки-ки-ки»* они стремительно летают в районе гнезда. Определить дерево, на котором находится гнездо, можно лишь издали, наблюдая за птицами в бинокль. Гнездится чеглок чаще всего в старых постройках ворон или воронов. Сам гнёзд он не строит.

Чеглок – одна из наиболее быстро летающих птиц. На лету ему удаётся поймать ласточку или стрекозу. Пищу он вообще добывает в воздухе, пользуясь совершенством полёта. Узнать чеглока легко: размером чуть меньше вороны, узкие серпообразные крылья, длинный хвост, чёрный верх, светлый в пестринах низ, штаны рыжие, на голове у клюва две тёмные полосы образуют так называемые усы. Охотится чеглок в Пушкинских горах в долине Сороти и Великой, деревнях и других местах скопления мелких птиц, в открытом ландшафте. В населённом пункте или в долине реки приближение чеглока можно определить по тревожным крикам ласточек, которые всегда его преследуют. Сопровождаемый ласточками чеглок летит невысоко, как бы лениво махая узкими крыльями, но тем не менее на большой скорости.

В глухой части Тригорского парка встречаются также совы. Помимо серой неясыти, здесь живёт мохноногий сыч *Aegolius funereus*. Летом он скрытен и его местонахождение легче всего определить по крикам беспокойства птиц. Держится он нередко в нижних ярусах леса, в связи с чем первыми замечают его обычно птицы, гнездящиеся на земле, в кустах или кучах хвороста. В Тригорском парке мохноногого сыча помогают увидеть чаще всего пеночки или крапивники, которые подымают около него целый переполох.

Выводок крапивников очень интересное зрелище. Птенцы держатся всегда вместе, тесной кучкой, в хворосте или в кусте. Если их потревожить, они начинают перелетать один за другим над самой землёй. При этом они постоянно подают высокие трещащие сигналы. Птенцы такие же коричневые, как и взрослые крапивники, и коротенькие хвостики у них также торчат вверх. Они могут подпустить к себе очень близко и вылетают буквально из-под ног. Их размеры настолько малы,

а полёт настолько своеобразен, что кажется, будто перепархивают не птицы, а какие-то крупные коричневые шмели.

Помимо упомянутых птиц в Тригорском можно услышать низкое воркование вяхиря, строящего гнёзда на ветвях елей, песни чижа и певчего дрозда, связанных тоже с ельниками. Залетает сюда и во́рон *Corvus corax*, которого можно узнать по двойному характерному крику *«крук-крук»*.

В Петровском

Видовой состав птиц, гнездящихся в Петровском, менее разнообразен, чем в Михайловском и тем более в Тригорском. Это объясняется тем, что Петровский парк не столь протяжённый. Полнее всего здесь представлена группа птиц-дуплогнездников, которые находят прекрасные условия для гнездования, так как в парке много старых дуплистых деревьев. Как и в Тригорском, многочисленны галки, скворцы и полевые воробьи. Держатся большой пёстрый дятел и поползень. Гнездятся большая синица и лазоревка. Встречаются два вида мухоловок – пеструшка и серая.

Из птиц, живущих в дуплах, только в Петровском парке отмечен удод *Upupa epops*. Эта птица, многочисленная в степной и лесостепной зонах, проникает на север до южных районов Ленинградской области. В Пушкинском заповеднике она живёт у северной границы ареала и поэтому редка. В таких случаях птицы вообще бывают очень осторожными, и встречавшийся в 1977 году в Петровском парке удод отличался крайней пугливостью. Тем не менее он активно токовал. Держась высоко в кронах дубов и лип и постоянно перелетая с одного дерева на другое, он всё время однотонно дудел, несколько раз повторяя свою песню. Осторожность удода была поразительной. Его можно было в основном лишь слышать. Увидеть же даже в бинокль было очень трудно: как только удод замечал человека и убеждался в том, что на него смотрят, он сразу же улетал на другой конец парка.

Из птиц, гнездящихся в кустарниковых зарослях, в Петровском представлены наиболее характерные для старых парков славки – черноголовка и садовая. В районе, примыкающем к богатой усадьбе, бывает слышна свистовая песня чечевицы. В кронах лип и дубов поёт иволга, которая живёт во всех парках Пушкинского заповедника. Довольно много тут и дроздов – рябинников и белобровиков. Белобровики отличаются петровским напевом, непохожим на песню белобровиков в Тригорском. Рябинники предпочитают здесь гнездится не колониями, а поодиночке, располагая свои гнёзда на боковых ветвях сравнительно молодых дубов, растущих на границе парка с лугом. Рябинники, как всегда, ведут непрекращающуюся войну с воронами. Последних довольно много. Подлетают к гнёздам дроздов они всегда молча. В том

же случае, когда вороны замечают своего врага – ястреба или сову, они поднимают невероятный крик и действуют сообща: окружают хищника со всех сторон, перегоняют его с места на место и, наконец, заставляют улететь прочь.

И здесь, в Петровском, воро́ны могут помочь обнаружить живущую в парке серую неясыть и часто посещающего эти места ястреба-перепелятника. Самка перепелятника, которая значительно крупнее самца, может быть опасной даже для ворон, особенно молодых, недавно покинувших гнездо. Обладая большой силой, хорошим вооружением и длинными рычагами задних конечностей, позволяющих держать схваченную жертву на расстоянии, она способна одолевать птиц, которые крупнее и тяжелее её. Известны случаи, когда самка перепелятника приносила к гнезду взрослых рябчиков и вяхирей массой 350-400 г. Сама же она весит 250-280г. В Петровский парк перепелятники прилетают в основном не за воронами, а за мелкими певчими птицами, плотность населения которых тут довольно высокая.

Особенно поражает количество зябликов. Они поют буквально на каждом шагу в непосредственной близости один от другого, без всяких драк за гнездовой участок. Гнездятся в Петровском зеленушки и щеглы. Щеглов даже больше, чем в любом другом парке. Их переливчатые, временами трескучие песни чаще всего доносятся с вершин лип, растущих неподалёку от красивой беседки, из которой открывается вид на озеро Петровское.

Под сводами беседки гнездятся деревенские ласточки, или касатки. Способ их гнездования здесь довольно необычен. Деревенские ласточки, как известно, устраивают свои гнёзда под крышами деревянных построек, иногда даже внутри помещений. При этом укрепляют гнездо, используя выступ карниза или балку в качестве основания для постройки. Здесь же они прилепляют гнездо к гладкой цементированной поверхности арки примерно так, как это делают городские ласточки, или воронки *Delichon urbica*. Возможно, что в данном случае касатки демонстрируют нам свой древний, исходный тип гнездования, когда они не были ещё «деревенскими». В углах под аркой беседки – постоянная тень. Поэтому гнездо не может рассохнуться и обвалиться, как иногда случается с гнёздами городских ласточек, если они построены не в достаточно затемнённых местах. Привлекает же сюда касаток не только беседка, но и близость озера, над поверхностью которого они охотятся, добывая летающих насекомых. Описанный способ гнездования деревенских ласточек нам довелось наблюдать ещё на каменистых островах северо-западной Ладоги, где вода и ниши скал образуют примерно такое же сочетание благоприятных для ласточек условий, как беседка и озеро в Петровском.

В центре парка постоянно живёт пересмешка *Hippolais icterina*. Её громкий голос с характерными хрипловатыми переливами всегда выделяется из общего хора. Узнаёшь птицу по манере петь. Энергичные, одно за другим следующие колена вдруг внезапно прерываются и после короткого перерыва также внезапно звучат снова. Несмотря на то, что в песне пересмешки мы всегда слышим голоса, заимствованные у других птиц, видовая специфика её песни сохраняется всегда. В Петровском парке пересмешка чаще всего поёт на «аллее карликовых лип». Липы теперь уже не карликовые. Их когда-то перестали подрезать, и они разрослись.

При выходе на озеро и посещении заболоченных участков неподалёку от усадьбы мы встречаем примерно тех же птиц, что и в долине Сороти. Орнитофауна лугов и побережий водоёмов в Пушкинском заповеднике в целом единая.

В Святогорском монастыре

Экскурсию в Пушкинские горы, даже орнитологическую, невозможно завершить, не побывав в Святогорском монастыре, около которого похоронен Александр Сергеевич Пушкин. Могила Пушкина – святое место для каждого русского человека. Её ежегодно посещает огромное количество людей. Однако групповая экскурсия ограничивает восприятие окружающей обстановки, особенно звуковой. Более всего это понятно орнитологу, привыкшему обращать внимание на все звуки сразу – и близкие, и далёкие. Лучше всего прийти к собору одному или небольшой группой. Причём вечером, перед заходом солнца, когда стихнут разговоры людей и шум транспорта.

Громкие голоса многочисленных здесь галок и грачей обращают на себя внимание прежде всего. Эти птицы настолько шумные, что любой посетитель не может их не заметить. Крики сотен галок, устаивающихся на ночёвку и совершающих круговые облёты территории, иногда заглушают даже человеческую речь, и на первый взгляд может показаться, что никаких других птиц здесь нет. На самом деле, если посидеть на скамейке и внимательно прислушаться, то можно услышать голоса по крайней мере полутора десятков видов птиц.

В соседней сосновой роще, где большая колония грачей, слышен их несмолкаемый гортанный говор. Он создаёт совершенно особый звуковой фон, типичный для соборов и монастырей. В нишах стен кружатся и воркуют сизые голуби. Временами они, совершая токовые полёты, взлетают и, подняв над спиной крылья, опускаются на крышу собора. Резвые стайки чёрных стрижей с визгом пролетают около колокольни. Сходным криком им отвечают самки, сидящие на кладках в щелях под железными крышами.

На крупных липах и других деревьях, окружающих монастырь, бойко распевает зелёная пеночка *Phylloscopus trochiloides*, вообще редкая в Пушкинских горах. Поют зяблики и мухоловка-пеструшка, щегол и зеленушка. Слышатся голос большой синицы и беспрестанное циканье серой мухоловки. В зарослях молодого липняка, растущего по склону холма, подражая голосам других птиц, поёт пересмешка. Она то затрещит дроздом-рябинником, то воспроизведёт песню белобровика или иволги. Внезапно песня обрывается и мы слышим тревожный сигнал *«чиви-чичиви»*. Пересмешку кто-то побеспокоил. Значит, у неё поблизости гнездо.

Внизу, недалеко от входа на территорию собора, на проводах над куртиной кустарников сидит парочка коноплянок. Самец очень яркий – красногрудый и коричневый сверху. Он распевает свою видовую песню, прелесть которой можно ощутить, лишь внимательно прислушавшись. Мимоходом её не воспринять. Она состоит из удивительно колоритных фраз и нежных свистовых переливов. Слушать надо подольше и обязательно в тишине, и тогда откроется особый мир звуков. Песня коноплянки идёт под аккомпанемент отдалённого звучания голосов других птиц: где-то «каплет» звонкими капельками пеночка-теньковка, журчит садовая славка, поёт зяблик, раздаются низкие гортанные голоса грачей…

Голоса птиц, если их внимательно слушать, воспринимаются как звуковая окраска ландшафта, как своеобразная музыка Природы. Её прелесть заключается в определённом сочетании различных звуков и в закономерной их повторяемости. В совокупности со всей окружающей обстановкой они придают местности неповторимый колорит и особое очарование. Уловить красоту природы удаётся не всегда, нужен определённый настрой. Но здесь, у могилы Пушкина, он возникает сам по себе. И тогда с особой остротой и силой воспринимаются бессмертные слова поэта, высеченные на камне у входа в Святогорский монастырь:

«И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять».

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2007, Том 16, Экспресс-выпуск **378**: 1270-1271*

Малый зуёк *Charadrius dubius* в антропогенных местообитаниях Нижней Оби

С.П.Пасхальный

Экологический научно-исследовательский стационар Института экологии растений и животных УрО РАН, ул. Зеленая горка, д. 21, г. Лабытнанги,
Ямало-Ненецкий автономный округ, 629400, Россия. E-mail: spas2006@yandex.ru

Поступила в редакцию 18 октября 2007

Малый зуек *Charadrius dubius* спорадически отмечался в низовьях реки Оби до 65° с.ш. В 1960-х годах единично гнездился у села Мужи (Данилов 1965; Брауде 1970). В июле-августе 1992 г. 4 экз. *Ch. dubius* добыты гельминтологической экспедицией возле посёлка Горки (Богоявленский 1999). Выше по долине Оби он в небольшом числе найден к югу от посёлка Берёзово, а одна пара гнездилась в 1976 г. на реке Казым у Юильска (Вартапетов 1984). Севернее села Мужи находок малого зуйка не было.

В 1996 году малый зуёк впервые обнаружен у города Лабытнанги (66°40′ с.ш., 66°30′ в.д.). В последующие годы этих птиц стали встречать всё чаще, причём только в нарушенных человеком местообитаниях. Хотя гнёзд зуйков здесь найти пока не удалось, не вызывает сомнения, что они здесь гнездятся. На это указывает их поведение.

На старом галечном карьере в долине реки Малый Ханмей в 15 км западнее Лабытнанги 1 июля 1996 беспокоилась пара малых зуйков. Наибольшую активность они проявляли на галечной отмели одного из обсыхающих рукавов реки, протекающего через карьер. Поиски гнезда оказались безуспешными. Судя по поведению, у птиц, скорее всего, были птенцы. Рядом держалась пара галстучников *Charadrius hiaticula*. Между малыми зуйками и галстучниками мы наблюдали конфликты, в которых доминировали последние.

26 июля 1999 на этом же карьере, в 0.5 км от места прежней встречи, снова обнаружили пару малых зуйков. Сильнее всего они беспокоились на песчано-галечном участке с дорогами на днище выработки у реки. Вскоре птицы переместились на другое место и замолкли.

23 июля 2000 одна птица беспокоилась на территории ст. Обская среди различных производственных построек.

Ещё несколько встреч зарегистрировано на окраине территории торговой базы в пойме Оби у г. Лабытнанги: 31 мая 2003 отмечена одна птица, а 6 июня 2003 и 28 мая 2004 здесь держались территориальные пары. Участок представляет собой замусоренный песчаный, кое-где песчано-щебенчатый пустырь, где складируются строительные ма-

териалы. Пару зуйков, проявлявших беспокойство, наблюдали 1 августа 2004 на песчаном берегу реки Шайтанки в Салехарде.

В июле 2007 г. при обследовании антропогенных местообитаний в пойме Оби у Лабытнанги мы обнаружили 3 территориальные пары малых зуйков. Одна держалась 7 августа на упомянутом выше пустыре возле торговой базы. Вторая беспокоилась 21 июля на берегу протоки, где ранее располагалось предприятие по трелёвке и разделке древесины из приводимых сюда плотов. Сейчас этот участок не используется и представляет собой пустырь, засыпанный древесными отходами и разным мусором. Наконец, третья пара малых зуйков поселилась в районе речного порта на Оби с системой подъездных путей, складских баз и вспомогательных сооружений. Держались кулики на примыкавшем к железной дороге участку, засыпанному мелким щебнем и мусором. Здесь их встречали с 5 июля по 15 августа. В последние дни наблюдений беспокоилась уже только одна птица.

Поскольку биотопические предпочтения малого зуйка связаны с наличием обнажённых грунтов, тяготение птиц к антропогенным ландшафтам, где такие местообитания обычны, вполне объяснимо. В Великобритании, например, более 90% всей популяции вида гнездится в нарушенных местообитаниях (Parrinder 1989).

Потепление климата и активное освоение человеком севера Западной Сибири способствуют расширению области гнездования и росту численности малого зуйка в регионе.

Литература

Богоявленский Ю.К. 1999. Отчёт о проведенных исследованиях в Шурышкарском районе Тюменской области в 1992-1994 годах // *Науч. вестн.* Вып. 1. Медико-биологические проблемы (ч. 1). Салехард: 23-27.

Брауде М.И. 1970. Новые данные о северном пределе распространения некоторых птиц Нижней Оби // *Продуктивность биогеоценозов Субарктики*. Свердловск: 116-118.

Вартапетов Л.Г. 1984. *Птицы таёжных междуречий Западной Сибири*. Новосибирск: Наука: 1-242.

Данилов Н.Н. 1965. Птицы нижней Оби и изменения в их распространении за последние десятилетия // *Экология позвоночных животных Крайнего Севера*. Свердловск: 103-109 (Тр. Ин-та биол. УФАН СССР, вып. 38).

Parrinder E.D. 1989. Little Ringed Plovers *Charadrius dubius* in Britain in 1984 // *Bird Study* **36**, 3: 147-153.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2007, Том 16, Экспресс-выпуск **378**: 1272-1273*

Встреча водяного пастушка *Rallus aquaticus* на Изварском озере (Ижорская возвышенность)

А.В.Бардин

Кафедра зоологии позвоночных, биолого-почвенный факультет, Санкт-Петербургский университет, Университетская набережная, 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

Поступила в редакцию 1 августа 2007

Встречи водяного пастушка *Rallus aquaticus* в Ленинградской области редки, что объясняется не только его малочисленностью, но и скрытным образом жизни. Для окрестностей Петербурга этот вид стал известен благодаря сборам В.Е.Андреевского, добывшим за годы своих охот 12385 экз. птиц (Виктор Егорович многие годы вёл ежедневный реестр охоты). В коллекции Зоологического кабинета Петербургского университета под № 197 хранился экземпляр (самец), добытый 5 августа 1860 под Петербургом (Бихнер 1884). В те годы пастушка считали залётным. Проникновение вида на Северо-Запад России стало заметным с начала XX века, а с 1960-х годов встречи с ним уже стали регулярными, хотя и нечастыми (Мальчевский, Пукинский 1983). Сведения о гнездовании до сих пор единичны. Ещё в начале XX в. Н.А.Зарудный (2003) встречал в устьях Великой (Талабское, или Псковское озеро) нелётных молодых птиц. В 1966 г. под Павловском (пригород Петербурга) наблюдали выводок пуховичков (Мальчевский, Пукинский 1983). В 1985 г. впервые для Северо-Запада удалось найти четыре гнезда водяного пастушка на Себежском озере в Псковской области (Фёдоров 1998), а в 1989 г. обнаружено гнездо в урочище Гумбарицы на восточном берегу Ладоги (Попельнюх 1994). В целом распространение вида по области изучено плохо, и каждая встреча с ним заслуживает специальной регистрации.

Утром 25 июля 2007 мы с териологом А.Д.Мироновым проверяли ловушки на мелких грызунов, установленные им накануне в окрестностях музея-усадьбы Рерихов в Изваре (Волосовский р-н, Ленинградская обл.). Около 9 ч по местному солнечному времени, задержавшись на берегу Изварского озера (59°21.0′ с.ш., 29°30.9′ в.д.), я заметил прошмыгнувшую в прибрежных зарослях травы и мелкого ивняка пастушковую птицу. Разглядеть её не было никакой возможности. Однако, отбежав, птица трижды издала характерный крик водяного пастушка, хорошо знакомый нам по «Лесу на Ворскле». Озеро неоднократно посещалось нами со второй половины мая, однако до этого пастушка слышать не приходилось. В 2007 г. здесь активно кричал погоныш *Porzana porzana* (в 2006 г. он не отмечен).

Литература

Бихнер Е. 1884. Птицы С.-Петербургской губернии: Материалы, литература и критика // *Тр. С.-Петерб. общ-ва естествоиспыт.* **14**, 2: 359-624.

Зарудный Н.А. 2003. Птицы Псковской губернии // *Рус. орнитол. журн.* **12** (235): 975-983 (1-е изд. в 1910).

Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана.* Л., **1**: 1-480.

Попельнюх В.В. 1994. Первая находка гнезда водяного пастушка *Rallus aquaticus* на Северо-Западе России // *Рус. орнитол. журн.* **3**, 2/3: 282-284.

Фёдоров В.А. 1998. О гнездовании водяного пастушка *Rallus aquaticus* в Себежском Поозерье (Псковская область) // *Рус. орнитол. журн.* **7** (44): 3-5.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2007, Том 16, Экспресс-выпуск **378**: 1273-1275*

К вопросу о миграции саджи *Syrrhaptes paradoxus* осенью 1922 года

В.А.Селевин

Второе издание. Первая публикация в 1927[*]

Как я уже отмечал в охотничьих журналах и газетах, в конце лета и осенью 1922 года на территории Семипалатинской губернии[†] снова наблюдался грандиозный лёт саджи, или копытки *Syrrhaptes paradoxus*, тысячными армиями прилетевшей из среднеазиатских степей, следуя вдоль течения Иртыша. Интересуясь вопросом и желая собрать по возможности полные опросные сведения, касающиеся миграции бульдруков в 1922 г., я поместил в местной печати, где только было можно, ряд обращений к населению, изложив в них весьма подробно, что желательно знать от очевидцев этого редкого явления в жизни наших птиц. Кроме того, я сделал ряд докладов – в Союзе охотников, среди любителей природы и проч., и, наконец, на 1-й Семипалатинской губернской краеведческой конференции (август 1924), где было постановлено обратить внимание на сбор сведений, относящихся к этой ещё не вполне разгаданной странице в биологии пернатых. Географическим отделом была издана моя анкета, разосланная затем по губернии.

---

[*] Селевин В.А. 1927. К вопросу о миграции саджи осенью 1922 года // *Uragus* 1: 14-16.

[†] Около Семипалатинска саджа встречается не особенно часто, преимущественно в степи за Иртышем, на пролётах. Весной 1926 г. в начале апреля лёт саджи был довольно интенсивен.

Хотя сведения, полученные в результате всех моих стараний, очень незначительны, а главное, отрывочны и касаются мест более или менее разобщённых друг от друга, что мешает в подробностях нарисовать картину переселения копыток с родины,– тем не менее, в общих чертах характер явления сделался известным.

Именно, можно сказать, что стремление к странствованию овладело большинством птиц в конце лета (последние дни июля – август), особенно проявившись осенью в сентябре, отчасти в октябре, и заглохнув в общем к началу зимы, когда, по-видимому, замерла тяга птиц к северо-западу. Успели вывести парочки копыток потомство в местах гнездовья – пока точно не знаю, не имея сведений на этот счёт. Детали, на которые я обратил внимание в своих обращениях и анкетах, к сожалению, редко обрисовывались и, таким образом, ускользали от фиксации. Полных описаний я не получал, но почти каждый деревенский житель из местностей, по которым пролетали полчища саджей, рассказывали о необыкновенно обильном пролёте их, упавшем главным образом на конец сентября месяца.

Что касается маршрута пролётного пути копыток, то в 1922 году их удалось проследить почти на всём протяжении так называемого Белого Иртыша, начиная от его истоков, а также по северному и южному побережью озера Зайсан-Нор, где они летели огромными массами. Главная армия копыток летела к северо-западу, следуя долиною Иртыша, причём особенно много их наблюдали около песков Кызыл-Кум, между реками Буконь и Кулуджун.

Таким образом, Иртыш являлся главной пролётной дорогой саджей в их движении к северу, причём пролёт удалось проследить подробно до широты Семипалатинска, не считая уклонений к северу и северо-востоку отбившихся стаек (Бель-агачская степь, Кулундинская степь, Заиртышская левобережная степь, окрестности Барнаула и проч.). Отсутствие данных о наблюдении мигрировавших птиц в европейской части СССР говорит за то, что из степей Казахстана саджи, очевидно, почему-то не вылетели, причём напрашивается мысль, не задержала ли их наступающая зима в киргизских степях, застав в пути и помешав их дальнейшему движению. Однако, где могло рассеяться то огромное количество копыток, которое пролетело в пределах Семипалатинской губернии?

От основного потока, тяготевшего к Иртышу, отделялось много ветвей (например, по реке Чар), а отдельные особи, бродячие и отбившиеся табунки наблюдались на площади почти всей Семипалатинской губернии, включая и доступную часть западного и южного Алтая (долины рек Бухтарма, Нарым, Курчум и т.д.). В степной западной половине губернии пролёта не замечено.

Участвуя в экспедиции летом 1925 года в Зайсанской котловине, я

при всяком удобном случае старался узнать что-либо о пролёте копыток. Оказывается, налётом этих птиц была занята не только степь, примыкающая с севера и юга к озеру Зайсан-Нор, но не менее обилен был пролёт саджи и вдоль всего Чёрного Иртыша, т.к. вылетели они из пределов соседней Джунгарии и пролетели в СССР, следуя естественными воротами между Алтаем и Сауром. Откуда именно начался вылет, узнать не удалось, но вероятно откуда-то из Западного Китая или Монголии, причём, несомненно, к этим странникам примкнули и зайсанские родичи, т.к. после этого года саджа в котловине стала очень редка. Так, за всё лето 1925 года, бродя по разным местам дельты Иртыша и котловины, я видел не более 3-5 табунков (всего 40-50 птиц). В Чиликтинской долине, которой они также пролетали из Джунгарии, в 1925 году я не нашёл ни одного.

Есть точные данные о пролёте саджи в 1922 году долиною реки Эмиль [Эмель], например, у пикета Бахты.